

УДК 94(47)«1945»

Б. Виллемс

**МЕЖДУ СОУЧАСТНИКОМ И ЖЕРТВОЙ:
ОПЫТ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ПРИ ОСАДЕ КРЕПОСТИ КЁНИГСБЕРГ В 1945 ГОДУ**

43

Проанализирована роль гражданского населения во время осады крепости Кёнигсберг в конце января – апреле 1945 г. Обсуждаются масштабы принуждения и жизненные условия, а также причины, по которым гражданское население оставалось в городе. Его широкое присутствие в крепости делает невозможным игнорирование его роли при воссоздании картины осады Кёнигсберга.

The paper analyses the role of the civilian population during the siege of Fortress Königsberg between late January and April 1945. It will discuss the scope of coercion and the living condition in the city, as well as the reasons why civilians decided to stay in Königsberg. Their large presence makes them impossible to overlook if one is to construct a view of the siege of Königsberg.

Ключевые слова: Восточная Пруссия, гражданское население, штурм Кёнигсберга.

Key words: civilians, East Prussia, siege of Königsberg.

Один из самых значительных пробелов в историографии Кёнигсберга — двухмесячный период февраля — марта 1945 г. И первоначальное продвижение к городу в январе 1945 г., и заключительный штурм в апреле изучены неплохо, но промежуток между этими событиями остается предметом дискуссий. В течение многих лет историки должны были полагаться почти исключительно на отчет об обороне крепости, написанный генералом Отто Лашем. В мемуарах он не говорит многого об условиях внутри крепости, придерживаясь в целом военного нарратива. Существуют лишь немногочисленные разрозненные сообщения гражданских лиц, но они едва ли могут снабдить нас релевантным взглядом на это время [29; 30, S. 9–63; 39, S. 155–207].

В настоящей статье рассмотрены способы защиты крепости, применявшиеся гражданскими лицами в течение этого периода. Поскольку граница между гражданскими и военнослужащими подвижна, различие между ними является не настолько простым, как может показаться. Это, возможно, наиболее заметно по противоречию между указанием генерала Лаша на силы гарнизона и оценками, сделанными бравшим Кёнигсберг Третьим Белорусским фронтом. В то время как Лаш считывал численность гарнизона примерно в 35 тыс. человек, советские войска заявляли, что захватили почти 100 тыс. человек из 135 тыс. военных в гарнизоне, что, конечно, резко контрастирует с количеством, названным Лашем [1, с. 353–354; 29, S. 116].

До недавних пор жители Кёнигсберга не имели собственного голоса в этом нарративе, хотя командующие с обеих сторон использовали их для обоснования своих действий. Генерал Лаш оправдывал их потребностями затянувшуюся защиту города, в то время как советские командиры указывали на соучастие горожан в защите крепости [1, с. 337; 29, S. 59, 76, 102]. Обе позиции будут рассмотрены в статье. Посредством анализа неопубликованных документов из различных российских и немецких архивов в данной статье будет предложен новый взгляд на период осады Кёнигсберга в ракурсе жизни гражданского населения.

Когда советские войска получили управление Кёнигсбергом после взятия города в апреле 1945 г., согласно известному советскому военному врачу Вильяму Гиллеру, советские военные власти насчитали по крайней мере 100 тыс. граждан [24, S. 347]¹. Широкое присутствие гражданских в городе в это время вызывает удивление, и вопрос состоит в том, почему так много из них остались, а не бежали. Во-первых, и советские, и немецкие послевоенные подсчеты игнорируют факт того, в какой репрессивной атмосфере эти гражданские лица находились в течение двенадцати лет диктатуры. Не могло быть и речи о любых проявлениях свободы воли, которая была вдобавок скована нацистской пропагандой. На протяжении последнего года войны пропаганда по всей Германии, а в Восточной Пруссии особенно, была сфокусирована на идее *Durchhalten*, заключающейся в том, чтобы стоять до последнего. Во время тотальной войны, которая была провозглашена в начале 1943 г., индивидуализм считался в сообществе крайним эгоизмом. «Никто не думает о своей маленькой личности! Все воюют и работают!» — так писала газета крепости Кёнигсберг в феврале 1945 г. [32, S. 1]. Отъезд или даже подготовка к нему расценивались как пораженчество. Эвакуация преподносилась как трусость, а не рациональный подход к сложившемуся положению.

Во время осады Кёнигсберга режим также активно использовал *Mundpropaganda* — «устную пропаганду». Этот тип пропаганды имел целью распространение «позитивных» слухов. В конце февраля — начале марта 1945 г. в Кёнигсберге были запущены такие слухи: русские солдаты деморализованы и недооценили силу гарнизона Кёнигсберга. Вместо осады, прогнозировала пропаганда, российские войска нападут на находящуюся севернее Курляндскую группировку. Другие слухи говорили об армии Гимmlера, собиравшейся выдвигаться к Кёнигсбергу, армии Власова, направлявшейся к крепости из Варшавы, или о 500 танках «Тигр», высадившихся в Пиллау (ныне Балтийск Калининградской области) [7, S. 9; 8, S. 3]. Ни один из этих слухов не был даже отдаленно правдив, но служил некоторым утешением для оставшихся гражданских лиц. Однако точное влияние пропаганды трудно оценить. Были иные, более практические факторы, которые способствовали тому, чтобы горожане оставались в крепости.

¹ Число гражданских лиц в Кёнигсберге остается предметом дискуссий (хотя и не должно). Все немецкие источники насчитывают около 100 тыс. человек; советские, естественно, пытаются, насколько возможно, зачесть их количество в число военных. Этот взгляд сегодня все еще сохраняется.

К 29 января 1945 г. Кёнигсберг был полностью окружен советскими сухопутными войсками, что исключало возможность для горожан бежать по суше. Приказы об эвакуации поступили только 27 января, что значительно сузило окно для легальной эвакуации [14, S. 9]. К тому времени население города значительно выросло, в город прибыли десятки тысяч беженцев из восточных районов Восточной Пруссии. Печально известные суровые зимние условия также усилили выжидательное настроение. Те, кто был в состоянии бежать в первые недели февраля, осуществили это через Пиллауский канал, но и они могли делать это лишь в ночное время. Кроме того, только мелкие суда могли использовать этот морской путь. В связи с большой загрузкой эти суда глубоко погружались в ледяную воду, которая, как следствие, постоянно попадала в лодки, делая путешествие чрезвычайно сложным [11, S. 25]. Беженцы на этих лодках — многие на грани гипотермии — прибывали в порт Пиллау, где им едва ли могли оказать какую-либо помощь. Однако и прибытие в Пиллау не означало скорую эвакуацию из Восточной Пруссии. Военный трафик (в первую очередь поставка провианта для армии) считался более приоритетной задачей, и поступали приказы забирать на лодках лишь ничтожное число гражданских лиц [10, S. 3; 25, p. 118—121]. Рассказы о гибели лайнеров «Вильгельм Густлоф» 30 января и «Генерал Штойбен» менее чем через две недели — о двух крупнейших катастрофах в истории мореплавания с более чем 10 тыс. жертв в общей сложности — заставляли людей дважды подумать о том, стоит ли переправляться морем [19, S. 45].

Более того, бомбардировки советской авиацией, воздействие погодных условий и недостаточное попечение в дороге предопределили решение многих о том, чтобы остаться в крепости. Относительно благоприятная ситуация в Кёнигсберге также способствовала этому. В городе продовольствие, электричество, вода, кров и пища все еще были доступны, особенно тем, кто помогал в обороне. Фактически ситуация с электроснабжением была настолько благоприятной, что приходилось предпринимать меры по восстановлению утраченной дисциплины по пользованию электроэнергией [2, ф. 54-Н №48, оп. 1, д. 11, л. 8—9]. Даже некоторые кинотеатры возобновили работу с целью предоставить горожанам возможности досуга [32, S. 2]. Кёнигсберг всё еще располагал множеством запасов продуктов, и оставшиеся в городе гражданские лица во время осады не испытывали дефицита, но о том, насколько хватит продовольствия, они не знали [4; 35, S. 46]. Ситуация, казалось, продолжала улучшаться в конце февраля 1945 г. в результате операции «Западный ветер» («Westwind»), которая восстановила сухопутную связь между Кёнигсбергом и Пиллау [29, S. 68—75]. Мирные жители были обмануты ложным чувством безопасности, когда правительственные чиновники вернулись из Пиллау в Кёнигсберг, что побудило многих думать, что город продержится достаточно долго, чтобы позволить им быть эвакуированными [19, S. 18, 60]. Между тем «Западный ветер» в первую очередь задумывался с целью обеспечения поставок продовольствия в Кёнигсберг и облегчения передвижения войск.

Послевоенные хвастливые утверждения немецких генералов о том, что операция проводилась с целью обеспечения спасения гражданских

лиц, не находят подтверждения, поскольку забота о горожанах улучшилась ненамного. Ни партия, ни армия не взяли на себя ответственность за пять лагерей для беженцев, расположенных в районе порта Пиллау в западной части Замландского полуострова. Голод свирепствовал в крупнейшем лагере в Пайзе (сегодня часть города Светлого), эпидемии, особенно дизентерия, не заставили себя долго ждать. Высланная на место медицинская комиссия предупредила, что если гигиена не будет резко улучшена, может возникнуть «массовая смертность женщин и детей» [26, S. 72]. Высокопоставленные партийные чиновники держались в стороне от этих лагерей, опасаясь нападений разъяренной толпы [19, S. 59, 71]. В результате многие люди в Кёнигсберге предпочитали скрываться, когда приходили приказы об эвакуации, и отвечавший за эвакуацию персонал часто сталкивался с откровенной враждебностью. Для того чтобы заставить людей эвакуироваться, власти начали угрожать отключить газ и воду [Ibid., S. 47; 26, S. 72]. Как ни странно, выход из зоны боевых действий посредством эвакуации представлялся многим людям не благом, а, скорее, наказанием. Этот факт говорит о вопиющей некомпетентности тех органов, как партийных, так и армейских, которые должны были позаботиться о людях. Вместо этого армия, в частности, была сосредоточена на собственной транспортировке в максимально безопасных условиях. Последняя большая группа эвакуированных из Кёнигсберга состояла не из гражданских лиц, а из 10 тыс. солдат, которые были ранены, но быстро могли быть излечены. Генерал Лаш лично, в отличие от эвакуации гражданских, курировал транспортировку раненых [29, S. 80]. Хотя в мемуарах он утверждает, что забота о населении являлась его главной задачей, доказательства того, что это в действительности было так, чрезвычайно скудны. Без сомнения, Лаш прекрасно выполнял свою работу как солдат, за что и снискал похвалу после войны, особенно от бывших товарищей по оружию. Тем не менее в части выполнения гуманитарных задач высшее командование крепостью показало свою неэффективность.

Когда советские разведывательные самолеты летали над осажденным Кёнигсбергом, летчики наблюдали активную деятельность немецкого гражданского населения. Это побудило советское командование считать, что гражданские активно стремились удержать город, что послужило имплицитным свидетельством их виновности [3, с. 351; 1, с. 354]. Также и Лаш в своих мемуарах говорит, что население было готово пойти на любые жертвы, которые от него требовались [29, S. 64]. Многие в окружении Лаша действительно были добровольцами [18, S. 127], но данное обстоятельство не означает, что участие в обороне Кёнигсберга было их личным выбором. На деле никакого выбора не оставалось. Происхождение многих, если не всех, принимаемых в Кёнигсберге мер можно возвести к «Военной директиве №53» от 8 марта 1944 г., относившейся к «комендантам укрепленных районов и боевым

комендантам». Директива дала безграничные полномочия командующим крепостями и призывала их прибегать ко всем возможным вариантам обороны, включая «широкое использование» населения [27, S. 243–245]. Конечно, несмотря на то что генерал Лаш, обласканный почестями ветеран Восточного фронта, определял себя как умеренно настроенного командующего, как только он стал командиром, большинство гражданских потребностей были отеснены на задний план. Школы, закрытые в начале осады, превратились в опорные пункты и полевые госпитали или казармы. Кладбища и церкви использовались в качестве хранилищ боеприпасов, а башни кирх — как наблюдательные пункты для артиллерии. Большинство университетских клиник было преобразовано в бомбоубежища [30, S. 39; 33, S. 122; 35, S. 58]. Отказ вносить вклад в защиту города карался смертью согласно законам военного времени, ясные знаки чего были хорошо заметны по всему городу [36]. В первые дни осады на улицы были отправлены патрули с целью отправлять на фронт всех, кто казался способным воевать. Те, кто отказывался, подвергались публичной казни, а их имена были опубликованы в газете крепости [22]. В основном эти объявления сообщали о дезертирах из регулярной армии, но в эти дни казнили также и обычных мужчин и даже женщин [8, S. 1]. Хотя Лаш в своих мемуарах утверждал, что казни применялись только «в особых случаях вопиющей трусости и дезертирства» [29, S. 59], масштабы этих наказаний были огромными и росли по мере продолжения осады. Казни активно применялись различными подразделениями, первоначально только армейскими офицерами, но позже также партией, полицией и СС. Почти через десять лет после осады газета беженцев «Остпрройссен-Варте» писала, что на улицах едва ли был свободный фонарь, на который могли бы повесить очередного осужденного [28, S. 2]. Хотя это и явное преувеличение, оно очевидным образом противоречит видению истории, представленному в воспоминаниях Лаща. После войны был поставлен вопрос о виновниках в массовых казнях, и большинство людей называло партийные органы. В пределах небольшой статьи сложно рассмотреть этот вопрос подробно, но уже сейчас можно уверенно утверждать, что финальную ответственность за экзекуции несет Лаш как командир крепости. При этом на случайность казней указывали не только свидетели из числа гражданских. Неоправданность масштаба и тяжести наказаний демонстрировал послевоенный доклад офицера разведки Вальтера Кемсиса, проигнорированный генералом Лашем в мемуарах [7, S. 10].

В поисках дополнительных сил командование крепости прибегало к мерам, приобретающим курьезный характер. Одним из самых ярких примеров является освобождение из кёнигсбергской тюрьмы сотен заключенных, которые были немедленно посланы на фронт [37, S. 308]. Действительно, в последние дни нацистской Германии разница между «хорошими» и «плохими» немцами, казалось, сводилась к способности участвовать в ее защите. Тот же подход можно увидеть в том, как мужчин принуждали вступать в Кёнигсбергский фольксштурм — народную милицию, которая должна была включать всех трудоспособных мужчин в возрасте от 16 до 60. Хотя мобилизация фольксштурмистов не

была уникальной мерой при обороне крепости, Кёнигсберг был одним из тех мест, где, с военной точки зрения, эта милиция оказалась наиболее успешной [40, p. 122–124]. Тем не менее этот успех имел высокую цену. Качествам мужчин, рекрутированных патрулями для службы в фольксштурме, придавалось наименьшее значение. Лотар Финке, ветеран Восточного фронта, прибывший в Кёнигсберг, вспоминал, что мобилизация не ограничивалась только солдатами, но охватывала также «старых, лечившихся и частично недееспособных мужчин»: все это характеризовалось им как «неприятная и недружественная деятельность» [23, S. 35–37]. Мэр одного из районов Г. Маловка описывал поиски фольксштурмистов, которые велись этими офицерскими патрулями, как «беспрестанные облавы», в ходе которых многие чувствовали себя терроризированными [16, S. 5; 20, S. 121]. Ставшие официально орудием партии, отряды фольксштурма в Кёнигсберге в конечном счете были включены в подразделения, защищавшие крепость вместе с усердно служившими 13-летними мальчишками, что размывало грань между гражданскими и военными [13, S. 9].

Другая мера, датированная 9 февраля 1945 г., пошла значительно дальше. Крайслейтер Эрнст Вагнер, высший по рангу в крепости член партии, по согласованию с Лашем приказал всем в крепости участвовать в *Festungsdienst*, крепостной службе, в течение четырех часов в день [5]. Поскольку в приказе не было указано возрастных ограничений, задача защиты Кёнигсберга была предписана всем. Гражданские лица были обязаны «отрабатывать» право на защиту. Это была очень популярная мера, и многие гражданские стремились избежать привлечения к крепостной службе. Сотни людей ушли в подполье, а это означало, что они больше не получали продовольственные талоны [16, S. 6; 31, S. 11; 34, S. 36]. Несмотря на тяжелые последствия, мотивы уклонения от участия в крепостной службе были понятны. Хотя было ясно, что гражданские лица не готовы к тяготам войны, они были вынуждены укреплять оборонительные позиции, часто на границе города под огнем противника. Для предотвращения бегства людей охранники, в основном партийные активисты, сопровождали группы работников часто с оружием в руках. Эта мера, однако, вызвала такую ярость, что была отменена [12, S. 3]. Крепостная служба охватывала не только тех, кто обычно считается работоспособным населением. Восьмилетнего Ханса-Буркхарда Зумовски солдаты попросили передавать артиллерийские координаты, перевозить на своих санях гранаты и даже помогать в минировании моста. Его бабушке было приказано шить мешки для боеприпасов, в то время как ее пожилой муж был задействован в ремонте танков [35, S. 64–65, 68]. Все эти меры принимались с целью высвободить как можно большее количество солдат непосредственно для боевых действий. Врачам в крепости было запрещено выписывать больничные листы. Среди немецких военных было принято называть Кёнигсберг Крепостью стариков (*Festung der Greise*) или Крепостью серых (подразумеваемая седина волос). Советские войска были хорошо осведомлены об этих обстоятельствах и использовали их с целью деморализации гарнизона. По словам бывшего редактора кёнигсбергской газеты,

советские машины с громкоговорителями призывали «старых дедов идти домой» [6, S. 1; 8, S. 4; 15, S. 25–27]. В советской послевоенной оценке штурма города этот аспект практически полностью упускался из виду. Вследствие господства принципа *партийности* совсем немного усилий прилагалось для того, чтобы дифференцировать качество солдат, с которыми столкнулись советские войска, что, несомненно, должно было служить целям дальнейшего прославления достижений Красной армии. Советским генералам было легко превратить группировку сомнительного качества, состоящую из 50 тыс. мужчин, в фанатично сопротивлявшихся 130 тыс. нацистов [1, с. 354; 9, S. 175].

Для тех кто остался в крепости, по мере продолжения осады жизнь становилась все тяжелее. Гражданские чувствовали, что советские истребители нацелены на любого, кто посмеет выйти на улицу. Даже в собственных домах люди больше не были в безопасности, поскольку самолеты могли использовать пулеметы и для того, чтобы стрелять в окна. Кроме того, присутствовал постоянный страх перед советской артиллерией, которая могла добраться до любой точки города. Все это означало, что для многих жизнь в основном протекала в подземных бомбоубежищах. Общий страх пребывания на открытой местности преобладал среди гражданского населения. Этот страх является одной из немногих постоянных тем, которые можно найти во всех сохранившихся воспоминаниях, письмах и дневниках [11, S. 28; 17, S. 32; 35, S. 59–60; 39, S. 171–172]. Поэтому неверным было бы считать, что гражданские лица показали искреннюю готовность участвовать в обороне города. Согласно военному корреспонденту Александру Верту, «солдаты молча наблюдали за паникой среди гражданских», советуя им покинуть город, как только появится такая возможность [38, р. 857]. Становится ясным, что Кёнигсберг был местом, полностью непригодным для тех, кто не привык к тяготам войны. Поэтому нарисованный Лашем образ сочувствующего и понимающего населения, который часто воспроизводится историками [21, р. 217; 29, S. 64–66], не что иное, как миф.

Во время и после войны гражданское участие в обороне Кёнигсберга всегда привлекало особое внимание как немецких, так и советских / российских наблюдателей и исследователей. В связи с быстрым советским наступлением в январе 1945 г. и неэффективностью ранее принятых эвакуационных мер более чем сто тысяч человек оказались застрявшими в крепости. Кроме того, в течение двух следующих месяцев, в феврале и марте 1945 г., возможности для эвакуации оставались очень слабыми. Меры, принимаемые в лагерях беженцев на прилегающем Замландском полуострове, были совершенно недостаточны в течение этого периода и стоили жизни многим гражданским лицам. Немногочисленные суда, прибывшие в порт, сосредоточились на перевозке военной техники. Эти обстоятельства показывают, что история гражданского населения Кёнигсберга не является стандартным нарративом о жертве.

Напротив, она, скорее, говорит, пусть бессознательно, о неизбежных последствиях ряда директив, изданных германским верховным командованием в год, предшествующий штурму. Результат этих директив состоял в том, что с января 1945 г. выбор для граждан был один — остаться в Кёнигсберге, что с неизбежностью означало внесение вклада в защиту крепости. Это позволило командованию в кратчайшие сроки превратить город в цитадель с опорой на мобилизацию всех резервов гражданских лиц. Даже если добровольное участие со стороны гражданского населения имело место, чему, кстати, найдено мало подтверждений, это было излишним в силу потребностей крепости. Присутствие гражданских было против их воли, их участие в обороне осуществлялось по строгим военным законам, применение которых сопровождалось мерами по терроризированию населения. Оценка каких бы то ни было желаний гражданских лиц должна производиться с крайней осторожностью. Набат нацистской пропаганды представлял ложную картину настроений кёнигсбергского гражданского населения как верной и полезной части народа (*Volksgemeinschaft*) — и точно такой же взгляд воспроизвел в мемуарах генерал Лаш. Этот искаженный образ позднее с благодарностью использовался советскими генералами для обвинений населения, звучавших в послевоенных оценках. Тезис о добровольно помогающем населении поддерживается уже давно, поскольку выгоден обеим сторонам, но он, как я попытался показать, всецело противоречит чувствам, которые превалировали в Кёнигсберге в те дни.

Пер. с англ. Г. С. Аракеяна под ред. И. О. Дементьева

Список источников и литературы

1. Галицкий К. Н. В боях за Восточную Пруссию. Записки командующего 11-й гвардейской армией. М., 1970.
2. Государственный архив Калининградской области.
3. Хлебников Н. Под грохот сотен батарей. М., 1974.
4. *Archiv Stadt Königsberg, Duisburg* (далее — ASK). 22032 (Übernahme der Geschäfte als leitender Intendant in Königsberg).
5. ASK. 22034 (Aufruf!)
6. ASK. 22304 (Dr. Hans Schaefer, Der Fall Königsberg).
7. ASK. 22034 (Königsberg 1945—1948, Kemsies: Stimmungsbilder aus Königsberg i. Pr. 1945. Die Festungszeit der ostpr. Hauptstadt).
8. ASK. 22034 (Königsberg 1945—1948, Aufzeichnungen des Hauptschriftleiters der Königsberger Allgemeine Zeitung Wegener über seine Erlebnisse in Königsberg Januar/März 1945).
9. *Bundesarchiv* Lastenausgleichsarchiv and Militärarchiv, Bayreuth and Freiburg i. B. (далее — BArch). RH2/335 (Vortragsnotiz Betr. Festung Königsberg).
10. BArch. Ost-Dok. 8/508 (Karl Friedrich, Beauftragter des RVK Ostpreußen „Bericht über Flüchtlingsabtransporte in Pillau im Jahre 1945“).
11. BArch. Ost-Dok. 8/510 (Kampf um Ostpreußen 1944—1945).
12. BArch. Ost-Dok. 8/518 (Dr. Carl Brenke).
13. BArch. Ost-Dok. 8/579 (Hans-Heinrich Wendtlandt, Kommandeur des Grenadierregiments 1094).

14. *BArch*. Ost-Dok. 8/588 (Dr. Hellmuth Will, Oberbürgermeister der Stadt Königsberg).
15. *BArch*. Ost-Dok. 8/600 (Bruno Just, Bataillonskommandant).
16. *BArch*. Ost-Dok. 8/602 (G. Malowka, Bürgermeister a. D.).
17. *BArch* Ost-Dok. 10/888 (Einsatz der 1. Ostpreußischen Infanteriedivision).
18. *BArch*. Ost-Dok. 10/890 (Major der Reserve Kurt Dieckert: Die Einschließung und Belagerung von Königsberg).
19. *BArch*. NS 19/2068 (Meldungen aus dem Ostraum).
20. *Clappier L.* Festung Königsberg. Köln, 1952.
21. *Denny I.* The fall of Hitler's Fortress city, The Battle for Königsberg, 1945. L., 2007.
22. *Feiglinge* wurden erschossen // Festung Königsberg. 1945. 2. Febr.
23. *Finke L.* Eine silberne Uhr in Königsberg. Frankfurt a/M, 1993.
24. *Giller W.* Und wieder in den Kampf. Erinnerungen eines sowjetischen Militärarztes. Berlin, 1986.
25. *Grier H.* Hitler, Dönitz and the Baltic sea: the Third Reich's last hope, 1944 – 1945. Annapolis, 2007.
26. *Hensel J.* Medizin in und aus Ostpreußen, Nachdrucke aus den Rundbriefen der „Ostpreußischen Arztfamilie“ 1945 – 1995. Starnberg, 1996.
27. *Hubatsch W.* Hitlers Weisungen für die Kriegsführung 1939 – 1945. Utting, 2000.
28. «*Iwan, der Schreckliche*» / bearb. Dr. S. // Ostpreußen-Warte. 1954. Febr.
29. *Lasch O.* So fiel Königsberg. Stuttgart, 1977.
30. *Lehndorff H.* Ostpreußisches Tagebuch. Aufzeichnungen eines Arztes aus den Jahren 1945 – 1947. München, 1961.
31. *Naujok R.* Das Mädchen von Königsberg // Ostpreußen-Warte. 1958. Jun.
32. *Preußische Zeitung*, Ausgabe für die Kampfzeit der Festung Königsberg. 1945. 11 Febr.
33. *Rothe H., Spieler S.* Die Albertus-Universität zu Königsberg, Hohepunkte und Bedeutung. Bonn, 1996.
34. *Starlinger W.* Grenzen der Sowjetmacht im Spiegel einer West-Ostbegegnung hinter Palisaden von 1945 – 1954. Würzburg, 1955.
35. *Sumowski H.-B.* «Jetzt war ich ganz allein auf der Welt». Erinnerungen an eine Kindheit in Königsberg 1944 – 1947. München, 2009.
36. *Terpitz W.* Das letzte Aufgebot: Mit sechzehn Jahren als Soldat im untergehenden Königsberg // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1985. 16. März.
37. *Tilitzki Ch.* Alltag in Ostpreussen 1940 – 45. Die geheimen Lageberichte der Königsberger Justiz. Würzburg, 2003.
38. *Werth A.* Russia at war 1941 – 1945. L., 1964.
39. *Wieck M.* Königsberg, Zeugnis vom Untergang einer Stadt. Augsburg, 1998.
40. *Yelton D.* Hitler's Volkssturm: The Nazi militia and the fall of Germany 1944 – 1945. Lawrence, 2002.

Об авторе

Бастiaan Виллемс — асп., Эдинбургский университет, Великобритания.
E-mail: bpvwillems@gmail.com

About the author

Bastiaan Willems, PhD Student, University of Edinburgh.
E-mail: bpvwillems@gmail.com